

**"ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика"
N 7-8 (31-32) июль-август 1999 г.**

**ЦЕНЗУРА В ИНТЕРНЕТЕ:
КОМУ И ЗАЧЕМ ОНА НУЖНА?**

Несмотря на то, что Интернет стал естественным элементом жизни очень многих людей, имеющих дело с информацией, споры о природе этого удивительного порождения человеческой культуры не утихают. Если не вдаваться в детали, то в этих спорах кристаллизуются два основных подхода. Сторонники одного рассматривают Интернет как некую виртуальную реальность, в которой не действуют никакие привычные нам по физическому и социальному миру закономерности, и для понимания которой необходим совершенно новый категориальный аппарат. Наиболее фанатичные сторонники этого подхода утверждают, что виртуальный мир, киберпространство вообще не имеет никакого отношения к тому миру, в котором он возник, что жители этого мира не связаны никакими обязательствами перед правительствами, нравственными нормами и всеми теми социальными силами, которые структурируют жизнь в обычном мире. Другими словами, Интернет с этой точки зрения - это некое убежище, куда можно сбежать из этого мира и где можно говорить все, что ты думаешь без оглядки на власть, силу, право. И жители этого мира очень плохо относятся к любым попыткам придумать какие-то нормы и правила, регулирующие жизнь в Интернете.

Размышляя о том, как далеко может завести реализация этого подхода, несложно прийти к выводу о том, что Интернет вовсе не будет способствовать расширению культурного диалога, а просто предоставит возможность объединиться различным группам и группкам, которые будут жить невидимыми сообществами, презирая участников всех остальных сообществ. Как написано в одном из интернетовских текстов, "наблюдая Usenet, легко видеть, как в общем нормальные люди, проживя в сети лет пять, на глазах превращаются в экстремистов. Парадигма республиканец/демократ (коммунист/рыночник), (социалист/консерватор) не имеет смысла для человека, подвергаемого ежедневной демонстрации взглядов, эту парадигму исключаящих". И там же дан такой прогноз: "Вместо цивилизации взаимно уважающих, однородных и вполне нормальных индивидуумов — мир, населенный стайками дикарей и уродов, презирающих всех и всякого, лишенных взаимной коммуникации".

Другой подход рассматривает Интернет как мощную, принципиально новую коммуникационную систему. И в качестве такой она имеет совершенно прагматические измерения, касающиеся журналистов, политиков, коммерсантов, которых интересуют возможности задешево распространить информацию о себе в глобальном масштабе. Отсюда огромное количество политических и коммерческих сайтов, отсюда электронные версии газет и журналов, теле- и радиопрограмм. Понятно, что рассмотрение Интернет в качестве коммуникационной системы автоматически ставит вопрос о механизмах контроля за функционированием этой системы, поскольку нигде и никогда еще не было такого, чтобы государство не пыталось цензурировать любые массовые информационные системы.

ЦЕНЗУРА В РОССИИ: ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Глубинная социальная сущность цензуры заключается в организации централизованного контроля за распространением научных идей и художественных образцов. Или — в другой терминологии — в ограничении доступа различных групп населения к этим образцам и идеям во имя государственных интересов и с помощью государства. Причем особенностью цензуры является то, что внешние ограничения довольно быстро интериоризируются и становятся внутренними барьерами, в соответствии с которыми создатель идей и художественных образов создает свои произведения.

Таким образом, процесс цензуры осуществляется на пересечении интересов трех социальных групп: с одной стороны, интеллектуальная элита, производящая новые модели опыта, мысли, чувства, понимания, выражения. С другой — облеченные государственной властью блюстители порядка, они же — распределители оценок сделанному, а далее — распорядители вознаграждения и санкции за заслуги и нарушения, с третьей - общественность, население, выступающие потребителем произведений, прошедших (или не прошедших) цензуру.

Принципиальная основа цензуры — это разделение людей как минимум на два сорта: первый сорт решает, что можно знать второму, и в соответствии с этим решением силой ограничивает хождение "вредной" информации.

Легко заметить, что такая позиция прямо противоречит демократической парадигме, согласно которой каждый гражданин априори считается вменяемым настолько, чтобы даже выбирать правителей.

Разумеется, в России цензура запрещена. Конституция (статья 29, пункт 4.), Закон Российской Федерации "О средствах массовой информации" (статья 58) устанавливают уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность за всякую попытку осуществления цензуры над СМИ. Однако приходится констатировать, что при полном отсутствии открытой цензуры с чьей-либо стороны, успешно влиять на СМИ ухитряется не только государство, но и другие силы. Объясняется это тем, что, провозглашая свободу слова, информации, выражения собственного мнения, Закон делает немало оговорок, ограничивающих злоупотребление этими свободами. Остаются темы, для которых Конституция делает исключение, — пропаганда войны, национальной розни запрещена и преследуется в уголовном порядке. Соответствующие статьи имеются и в Уголовном кодексе. Так, статья 136 Уголовного кодекса устанавливает ответственность за нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии, в частности, за пропаганду исключительности либо неполноценности граждан по этим признакам. Кроме того, в УК РФ установлена ответственность за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя или захвату власти (статья 278), к измене Родине, совершению террористического акта или шпионажу (статьи 205, 275, 276), за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, клевету и оскорбление (статьи 354, 130, 129), изготовление или сбыт порнографических предметов (статья 242). К сожалению, в последней статье четко не указано, что следует считать порнографией, а что эротикой. Запрещена пропаганда и реклама наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Но помимо этих нормальных и всеми принимаемых положений, постоянно предпринимаются попытки усилить возможности государства по контролю за информационными потоками. Одним из наиболее опасных для свободы массовой информации является предложение изменить содержание ст.3 Закона "О СМИ" ("Недопустимость цензуры"). Действующий Закон определяет цензуру как требование от редакции средства массовой информации со стороны каких-либо органов или

должностных лиц предварительно согласовывать с ними сообщения и материалы, а также как наложение запрета на их распространение. Если поправки вступят в силу, наложение запрета на распространение каких-либо сообщений и материалов через средства массовой информации перестанет считаться цензурой и, следовательно, не будет подпадать под действие ст.29 Конституции России, запрещающей цензуру. А компетентные органы получат возможность "не выпускать" нежелательную для них информацию в эфир или на газетную полосу.

Другой проект такого же рода — федеральный закон "О Высшем совете по защите нравственности телевизионного вещания и радиовещания в Российской Федерации". С одной стороны, Закон подтверждает, что телевизионное вещание и радиовещание в РФ свободно, цензура запрещена Конституцией Российской Федерации. Свобода телевизионного вещания и радиовещания может быть ограничена только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Есть и другие свидетельства того, что России вновь грозит цензура. Под видом защиты государственных тайн для нее уже создана нормативно-правовая база. Как свидетельствует известный эколог А. Яблоков, за последние три года в России принято множество решений, существенно повышающих информационную закрытость многих ведомств. Достаточно назвать утвержденный 24 января 1998 г. Президентом РФ "Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне", включающий 87 позиций. Тем самым глава государства нарушает Конституцию, устанавливающую, что "Перечень..." определяется федеральным законом" (Конституция РФ, ст. 29, часть 4). Этот указ сомнителен вдвойне: Закон "О государственной тайне" в 1993 году уже определил перечень сведений, составляющих гостайну. Можно констатировать, что цензура уже успешно работает. Пробный опыт новых цензоров — широко известная история капитана первого ранга в отставке Александра Никитина.

ЦЕНЗУРА В ИНТЕРНЕТЕ

А что же Интернет, в котором каждый имеет возможность опубликовать что угодно, организовать рекламу и оценить популярность собственных идей? Вполне естественно, что утрата реальной власти над мыслями людей не устраивает очень и очень многих. Их естественной реакцией стали попытки введения разнообразной цензуры. Сообщения об очередных попытках влияния на Сеть со стороны правящих кругов с завидным постоянством появляются в новостях, невольно вызывая подозрение, что единственной целью любого, даже вполне демократического государства является полное подчинение Интернета и недопущение его самостоятельного, бесконтрольного существования. А ведь для многих Сеть уже стала воплощением истинной свободы слова, и все подобные поползновения вызывают приступы праведного негодования.

Противники любых форм цензурирования Интернета указывают на несколько обстоятельств. Во-первых, если традиционные механизмы цензуры касались только тех, кто занимался разнообразными СМИ, оставляя место для частных мнений и "ограниченного инакомыслия", то цензура в Интернете будет давить на всех, потому что в Интернете каждый участник — это маленькое (или не маленькое) СМИ. Где граница между личной перепиской трех человек, списком рассылки на 100-200 участников и мирового масштаба ньюсгруппой? Если, например, определить, что до 100 человек — это частное дело, а после 100 пора звать цензора, то будет просто N групп по 100, копирующих сообщения друг у друга. Остается один путь: контролировать информацию независимо от ее распространенности. Таким образом, эффективная цензура в Интернете подразумевает тотальное прослушивание пользователей Сети (что прекрасно стыкуется с COPM2 www.fe.msk.ru/libertarium/sotm/in dex.html).

Во-вторых, Интернет, как следует из самого слова, интернационален. Таким образом, проведение единой цензурной политики подразумевает либо появление какого-то "мирового цензурного комитета", который способен осуществлять цензуру по единым принципам в мировом масштабе (точнее — в масштабе всех стран, так или иначе включенных в Интернет) путем ограничения предоставляемой информации, то есть контроля за всеми серверами Интернета, либо введения цензуры локально в каждой стране с контролем трафика пользователей.

В-третьих, любое введение цензуры приведет к поляризации общества, объединению недовольных в группы и последующему противостоянию. Как показывает практика, борьба со сплоченными группами квалифицированных специалистов затруднена. Известные пиратские группы существуют годами только потому, что продуктами их "труда" пользуется масса пользователей и их активно поддерживает часть сетевого сообщества. С учетом достаточной для маскировки квалификации и практически полного отсутствия практики судебных процессов на основе "электронных доказательств" единственным способом быстрой реализации цензуры является вполне банальное физическое насилие, совмещенное с тотальной слежкой.

Возмущение попытками ввести цензуру Интернета выразилось в широком распространении так называемой "Декларации Независимости Кибер пространства". Автор этой декларации Джон Перри Барлоу, обращаясь к своим единомышленникам, пишет: "Они объявили войну Киберпространству. Давайте покажем им, как хитро, обезоруживающе и властно мы можем обеспечить собственную защиту". И далее идет весьма патетический текст, констатирующий принципиальную невозможность управления Интернетом.

Вот лишь несколько цитат:

"Мы создаем мир, где любой и везде может выражать его или ее убеждения, независимо от того, насколько он необычен, без страха быть принужденным к молчанию или конформизму."

"Ваши правовые концепции собственности, выражения, индивидуальности, перемещения и контекста неприменимы к нам. Они базируются на материальности, но здесь нет материальности."

"Наши индивидуальности не телесны, так, в отличие от вас, мы не можем добиваться порядка через физическое принуждение. Мы верим, что наше управление будет возникать из этики, просвещенного личного интереса и всеобщего блага. Наши индивидуальности могут быть распределены поперек многих ваших юрисдикций".

"В нашем мире все чувства и выражения человечности, от низменных до ангельских, являются частями единого целого, глобальным диалогом битов. Мы не можем отделить воздух, в котором задыхаются, от воздуха, в котором трепещут крылья."

Готовы ли пойти правительства разных стран на конфронтацию с людьми, придерживающимися таких взглядов? Практика показывает, что не только готовы, но уже полным ходом действуют в этом направлении.

Европейский парламент опубликовал 6 января 1998 г. отчет "К оценке технологий политического контроля". Этот отчет (N PE 166499) подготовлен Стивом Райтом (Steve Wright) из OMEGA Foundation по заказу Отдела по оценке научных и технологических достижений (STOA) Генерального директората по исследованиям Европарламента. Он опубликован под редакцией возглавляющего STOA Дика Холдсуорта (Dick Holdsworth). Анализ этого текста приводит к выводу, что Европейский парламент

озабочен тем, что современные технологии используются для слежки, за инакомыслящими, правозащитниками, журналистами, студенческими лидерами, членами меньшинств, профсоюзными лидерами и политическими противниками. Это одна из тех отраслей технологического развития, где устаревшее регулирование не успевает за расширяющимися возможностями злоупотреблений. Газетная статья не дает возможности пересказать все, что узнали ошеломленные европейские парламентарии из этого отчета. И речь идет не только о создании глобальной системы слежки, простирающейся по всему миру и образующей систему выборочного контроля за трафиком на ключевых спутниках Intelsat, транслирующих большинство международных телефонных разговоров, трафика Internet, электронной почты, факсов и телексов и обеспечивающей тотальное прослушивание телефонных переговоров, перехват факсов и иных телекоммуникационных сообщений.

Обеспокоенные парламентарии потребовали, чтобы все технологии, операции и приемы слежки были поставлены в рамки процедур, обеспечивающих демократический контроль. Должны быть выработаны правила для обеспечения прекращения существующих злоупотреблений и нарушений. Следует установить явные критерии для определения того, кто может подвергаться слежке, а кто нет, как должны храниться, обрабатываться и распространяться полученные данные. Такие критерии и соответствующие правила должны быть доступны общественности. Все требуемые правила должны обеспечивать соблюдение применимого законодательства о защите данных при внедрении новых технологий слежки.

Но пока одни европейские парламентарии размышляют, как бы защитить граждан от систем тотальной слежки, другие разрабатывают законодательные акты, дающие государству возможность контролировать ситуацию в Интернет. В феврале прошлого года в США вступил в силу Закон о телекоммуникациях, составной частью которого был Акт о благопристойности в коммуникационных системах (Communication Decency Act). Фактически он предоставлял правовую базу для государственного цензурирования информации в Интернете. Общественное возмущение, вызванное принятием Акта, вылилось в иск о соответствии данного закона Первой поправке, поданный в Верховный Суд США. Суд рекомендовал отменить закон, что и было сделано.

В штате Оклахома вступил в силу законопроект, запрещающий доступ к порнографическим ресурсам с компьютеров, купленных на бюджетные средства. После вступления закона в силу в местном университете начал работать специальный сервер, блокирующий доступ ко всем подобным ресурсам, что вызвало немало протестов со стороны общественности, углядевшей в этом ущемление свободы слова (американцы — народ непредсказуемый, они готовы с одинаковым упорством бороться и против порнографии, и одновременно — против цензуры). По окончании судебного процесса, длившегося несколько месяцев, Верховный Суд огласил вердикт, что ограничение доступа к порноресурсам не нарушает Первой поправки к Конституции США при условии, что осуществляется в отношении несовершеннолетних. Для лиц, переступивших восемнадцатилетний рубеж, в университете был установлен отдельный сервер, разрешающий доступ к любым ресурсам Интернета без ограничений. Однако вопросы морали продолжают беречь душу многим американцам. В штате Джорджия с трудом удалось предотвратить принятие постановления, согласно которому пользователям Интернета запрещено идентифицировать себя "ложным образом", другими словами — под псевдонимом.

Пока общественному мнению в Америке удается защитить полную свободу слова, в странах, где на это обращают меньше внимания, цензура уже введена. Так, в Сингапуре деятельность провайдеров и частных лиц уже полностью регламентирована. На плечи провайдеров возложена нелегкая обязанность фильтровать информацию и трафик, а также блокировать доступ пользователей к определенным ресурсам. В

качестве подобных ресурсов названы сайты, разжигающие расовую и религиозную вражду, а также содержащие морально и этически неприемлемую информацию, однако противники новых правил опасаются (и не без оснований) перенесения цензуры и на информацию политического характера.

С политикой пока еще не ясно, а вот по поводу передачи по Интернету "морально и этически неприемлемой информации" — другими словами, порнографии — несколько судебных процессов в Сингапуре уже прошли. И к осужденным были применены весьма жесткие санкции. Правда, прецедентом для остального мира это вряд ли можно считать, так как Сингапур все-таки особенная страна (во всех прошедших процессах, например, закону была придана обратная сила, что в странах с более развитыми демократическими традициями, разумеется, недопустимо).

Тем временем в Германии (которая входит в число демократических стран) в августе этого года должен вступить в силу законопроект о защите пользователей и правилах контроля содержания в Сети. В киберпространство перенесены запреты на информацию оскорбительного характера, порнографию, непристойности, пропаганду неонацистских и других экстремистских взглядов. Причем ответственность возлагается как на отправителя информации, так и на его провайдера. Компьютерная общественность широко обсуждала случай, когда по решению суда в Германии фирма CompuServe Incorporated была вынуждена временно отключить доступ своих абонентов к более чем 200 телеконференциям Internet (newsgroup Usenet). В число запрещенных попали те телеконференции, материалы которых не соответствуют по своему содержанию статьям уголовного законодательства Германии. Сама компания утверждает, что не принимала участия в выборе или определении сущности информации, циркулирующей в запрещаемых телеконференциях. Со стороны германских официальных лиц, якобы проводивших отслеживание материалов, передаваемых по телеконференциям Internet, компании было прямо указано, какие меры необходимо предпринять, чтобы ее деятельность не противоречила германским законам.

Таким образом, Германия стала первой страной, пытающейся проводить цензуру в Internet, и, одновременно, полигоном, за которым внимательно следят провайдеры Internet, конгресс США и другие правительства. В другой, не менее демократической европейской стране — Франции, имеют место попытки другого рода. Согласно французскому законодательству, все товары и услуги на территории государства должны обязательно сопровождаться инструкциями на французском языке. Впоследствии это положение было перенесено и на все средства массовой информации, а теперь — и на Интернет: все сайты на территории Франции обязаны иметь копию на французском языке.

Не остается в стороне и церковь. Так, например, в ОАЭ — одной из наиболее богатых и технически развитых стран Ближнего Востока все средства массовой информации с целью защиты духовных ценностей ислама подлежат официальной цензуре. Национальный комитет по вопросам Интернета, учрежденный полицейским ведомством, настоятельно рекомендовал (пока — только рекомендовал) единственному в стране провайдеру установить специальную аппаратуру и допустить к ней специальных агентов для контролирования и надзора за действиями в Сети граждан страны.

Что касается политической цензуры, то здесь, конечно же, в первую очередь преуспевают страны с политической системой, далекой от демократичной, чаще всего — страны Юго-Восточной Азии. Точнее, именно в этих странах политическая цензура Интернета действует наиболее вызывающе. Наибольшую активность в данном вопросе проявляет Вьетнам, которого вообще-то трудно обвинить в широком распространении

современных технологий. Во Вьетнаме был принят закон, отвечающий за регламентацию информации в Сети. В соответствии с этим законом был утвержден Национальный координационный совет — специальная организация для контролирования Интернета. Совет этот является не чем иным, как одним из подразделений МВД страны. Все пользователи Интернета во Вьетнаме обязаны встать на учет и в дальнейшем соблюдать специальные правила поведения в Интернете, разработанные советом совместно с Главным управлением почтовой и телеграфной связи. Ответственность за соблюдение этих правил возложена на партийные ячейки на местах.

Южная и Северная Кореи, добравшись до Интернета, перенесли туда и свою конфронтацию. В Южной Корее (которая, кстати, несмотря на свое экономическое благополучие весьма мало похожа на то, что принято считать демократической страной) была выпущена директива правительства республики, строго запрещающая гражданам, под страхом довольно суровых санкций, вступать в любые контакты с жителями Северной Кореи через Интернет. Вряд ли, правда, в Северной Корее есть хоть один узел. Также гражданам Южной Кореи запрещено посещать сайты, посвященные "братскому" государству. Один из подобных сайтов одно время держал канадский студент, но после гневной реакции Южной Кореи он вынужден был его закрыть. Так что теперь проблемам (точнее отсутствию проблем) Северной Кореи посвящен лишь один сайт в Интернете — официальный сайт правительства, расположенный в Японии. Вот на него-то и нельзя заходить гражданам соседней республики.

В Европе политическая цензура тоже потихоньку набирает обороты. В Германии продолжается процесс над женщиной — членом леворадикальной (коммунистической) партии, которая поместила на партийном сайте ссылку на сайт запрещенного в Германии издания. Прецедент характерен тем, что обвиняемая сама не являлась автором запрещенной информации, а просто предоставила любому желающему возможность ее найти.

Стремясь ответить на вопрос о том, как осуществлять цензуру в Интернете законным образом и с учетом интересов всех вовлеченных сторон, английская благотворительная организация Internet Watch Foundation (**IWF**, www.iwf.org.uk) предлагает всему миру использовать системы фильтрации и рейтингования содержимого Интернета.

А что же Россия? Надо сказать, что органы слежки и надзора очень внимательно изучают западный опыт в сфере организации цензуры в мире телекоммуникаций и немедленно подхватывают любую идею, связанную с расширением возможности цензурировать Интернет.

Поначалу инициатива КГБ по созданию с 1994 года Системы Оперативно-Розыскных Мероприятий (СОРМ), предполагавшей техническое и юридическое обеспечение доступа этого ведомства к информации, передаваемой по электронным каналам связи (от обычных телефонов до сотовых и пейджинговых систем), прошла практически незамеченной.

Юридические формальности, правда, не были соблюдены (в частности, соответствующие акты не были опубликованы), так что законность этой затеи можно бы оспаривать в суде. Однако важнее то, что система эта уже действует, гарантируя спецслужбам доступ к информации, проходящей через телефонные станции: аппаратура СОРМ непременно включается в комплект технических средств новых станций, а обязательство обеспечивать работу СОРМ входит в лицензии всех операторов сотовой телефонии и пейджинговых систем.

Однако новейшая затея ФСБ — законопроект о "СОПМ-2" (системе обеспечения оперативно-розыскных мероприятий на "сетях документальной электросвязи") — внезапно получила заметный отклик. Подборка материалов доступна сегодня каждому пользователю Интернета (www.ice.ru/libertarium/sorm). Неожиданно выяснилось, что в России до сих пор отсутствуют законодательные акты, которые могли бы гарантировать надежную защиту личности, общества и государства в области электронной информации.

Летом 1998 года в Интернете произошла утечка двух документов. Это "Порядок внедрения системы оперативно-розыскных мероприятий в сетях документальной электросвязи" и "Технические требования к системе технических средств по обеспечению функций оперативно-розыскных мероприятий на сетях документальной электросвязи". ФСБ и Госкомсвязи даже не пытались скрыть свою причастность к этим проектам. Более того, представители указанных ведомств подтвердили, что в целях укрепления информационной безопасности государства они давно работают над возможностью доступа к потокам сетевых данных.

Анализируя распространенные по Интернету документы, некоторые специалисты выразили опасение, что описываемые в них меры представляют угрозу свободе компьютерного общения, а по большому счету являются элементами тотальной слежки за гражданами. В частности, в ставших объектом интернетовской гласности материалах, содержится пункт, который позволяет силовым ведомствам тайно снимать информацию с электронного оборудования провайдера. Эта техническая операция якобы станет возможной при помощи "черных ящиков", которые должны быть установлены на аппаратах пользователей для передачи необходимой информации прямо на компьютеры ФСБ.

Появились также сообщения, что за установку "черных ящиков" для контроля за электронной перепиской придется заплатить самим провайдерам. По их оценкам, такая приставка обойдется примерно в 15-20 тыс. долларов. Если же возникнет необходимость "спонсирования" прокладки для ФСБ так называемого толстого канала, то сумма затрат достигнет сотен тысяч долларов. В целом вывод некоторых экспертов таков: в случае реализации системы оперативно-розыскных мероприятий в Интернете ФСБ получит мощный инструмент слежки за гражданами, а провайдеры и их клиенты будут оплачивать эту слежку из своего же кармана.

СОПМ легко позволяет получать и накапливать информацию о корреспондентах, с которыми поддерживается связь по электронной почте, наборе посещаемых страниц и чатов, читаемых и отвечаемых сообщениях в ньюсгруппах и их тематике, точках входа в Интернет и т.д. Это означает возможность составления и автоматического пополнения досье на каждого пользователя Интернета.

Какие же выводы из всего этого можно сделать? Первый и самый очевидный - Интернет и в России и в других странах становится предметом пристального интереса спецслужб. Глобализация информационных процессов влечет за собой объединение усилий спецслужб разных стран, заинтересованных в контроле за информационными потоками. Но в западных странах существуют силы и возможности, обеспечивающие выявление злоупотреблений в этой сфере и выработку правовых и организационных мер, защищающих гражданина от чрезмерного любопытства сыскных структур. Что касается России, то российская политическая культура включает себя длительный и трудный опыт использования цензуры правящими элитами и борьбы интеллигентов и общественности против цензуры. И те, и другие до сих пор включают этот опыт в свои политические технологии. Политические элиты начинают использовать грубые методы цензуры даже там, где без них можно обойтись, творческая элита выступает против

любых попыток контроля за информационными потоками, включая ситуации, где такой контроль неизбежен и обоснован с юридической, оборонной и иных точек зрения.

Однако было бы неверно уравнивать возможности этих двух сторон постоянных конфликтов по поводу цензуры. Властные структуры в России неизмеримо сильнее и агрессивнее немногочисленных сторонников свободного информационного потока и пользуются этой силой охотно и с большим удовольствием. Борьба сторонников и противников расширения цензуры напоминает игру кошки и мышки. Сторонники цензуры опираются на силу государства в лице всех ветвей власти и поддержку консервативных групп общественности и населения, обеспокоенных посягательствами на традиционные ценности и привычные нормы. Противники цензуры немногочисленны, разобщены и ухитряются удерживать позиции только благодаря своей энергетике и возможностям взывать к отечественному и мировому общественному мнению. Отечественное общественное мнение на факты цензуры реагирует весьма вяло, поэтому, как и в старые добрые времена, противникам цензуры остается надеяться на помощь Запада, мнение которого еще учитывается российскими политическими элитами, хотя со все большим зубовным скрежетом.

Правовая база, регулирующая возможности цензуры, весьма противоречива. С одной стороны и в Конституции России, и в Законе "О СМИ" четко и недвусмысленно заявлено о запрете цензуры, с другой стороны, и в Конституции, и в других законах есть неясности и двусмысленные новеллы, позволяющие при желании осуществлять гласный и негласный надзор над информационными потоками. Следует также иметь в виду, что законодатель в России все последние годы непрерывно предпринимает усилия по разработке и принятию законодательных актов, расширяющих возможности государства контролировать ситуацию как в средствах массовой информации, так и в других информационных системах. Особый интерес проявляется при этом к Интернету, как наиболее мощной и анархичной системе массовых коммуникаций. Наконец, существует огромное количество разнообразных ведомственных инструкций, которые дают чиновникам основание заниматься цензурой, не обращая никакого внимания на существующие законы.

Все это ставит в повестку дня вопрос о необходимости разработки и реализации гласных, скоординированных акций, направленных на усиление гражданского контроля за деятельностью структур, разрабатывающих технологии цензуры за содержанием информационных потоков. Следует более энергично противостоять любым попыткам несанкционированного и тем более противоправного контроля за деятельностью средств массовой информации и других информационных систем. И точно также, как цензура приобретает международный характер, противодействие цензуре также должно носить международный характер. Именно защита права граждан на свободный обмен мнениями в Интернете может стать площадкой взаимодействия правозащитных организаций разных стран с выходом на создание мощных международных правозащитных структур.

Иосиф ДЗЯЛОШИНСКИЙ,
президент ПФ "КСДИ"